

УДК 94(47+57) 1920/1930

ГАЗЕТНЫЙ ТРАВЕЛОГ «ПЕЧАТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ» В КНИГЕ Л. НИКУЛИНА «СЕМЬ МОРЕЙ»

© 2010 Е.Р. Пономарев

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

Поступила в редакцию 2 февраля 2009 года

Аннотация: В статье на основе книги Льва Никулина «Семь морей» рассматривается тип межкультурной коммуникации, характерный для советского травелога 1930-х годов. Непосредственные впечатления от поездки не попадают в текст путевой прозы. Вся она строится на основе эмигрантских газет, издающихся во Франции. Целиком позаимствованные статьи и фельетоны выдаются за реальные впечатления и встречи. Коммуникация оборачивается псевдокоммуникацией.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, травелог, Лев Никулин, Семь морей, советский, Европа, Франция, Италия, Германия.

Abstract: The author examines Soviet travelogue of the 1930s on the basis of the book "The Seven Seas" by Lev Nikulin. Real impressions of the travel did not used in the text. All the book may be described as great compilation of references and re-writings of the articles, published in the Russian emigrant periodic in France. Communication turns to miscommunication.

Key words: intercultural communication, travelogue, Lev Nikulin, Seven seas, Soviet, Europe, France, Italy, Germany.

Книга Л.В. Никулина «Семь морей» (1936) — центральный европейский травелог в советской литературе 1930-х годов. Заслуженно забытая сегодня, эта книга представляет интерес как памятник советской литературы. Она может рассматриваться как идеологически репрезентативный текст — дающий представление о типовом восприятии Запада в СССР предвоенного десятилетия.

Книга о Западе оформлена как сборник путевых впечатлений. Действительно, «Семь морей» (заглавие отсылает к английскому фразеологизму «the seven seas») создавались по следам поездки в Европу, совершенной Никулиным в 1933 году. Однако при внимательном рассмотрении путевые впечатления оказываются нужным образом скомпонованными, сделанными, смоделированными. Спонтанность впечатлений остается в прошлом — в травелоге конца 1920-х годов. В этот период советский путешественник пытался смотреть на

Запад глазами европейца, пытался осознать саму возможность иной жизни. Впрочем, посмотреть «взглядом другого» и тогда получалось лишь изредка. Советские ценности довели. В 1930-е, с началом нового десятилетия, глобального экономического кризиса, подготовки к новой мировой войне, советский травелог стал воспринимать Европу как чересполосицу политических режимов — больше или меньше тяготеющих к фашизму, более или менее дружелюбно настроенных. Такая установка делала художественный текст полностью зависимым от продукции Агитпропа, реальные впечатления путешественника встраивались в заранее данную раму.

Путешественник боится впечатлений, еще более боится включить живое впечатление в печатный отчет о поездке. Он ищет новые способы коммуникации — стабильные, предсказуемые и более безопасные, чем встречи и разговоры. И тут на выручку приходит газета. Чтение газеты становится в «Семи морях» основным видом коммуникации с иной культурой.

© Пономарев Е.Р., 2010

Путешественник не пользуется газетой в первых главах, в которых рассказывает о Турции и путешествии на итальянском корабле из Турции в Италию. По-видимому, подходящих газетных источников не нашлось. Но, начиная с итальянской главы, газета используется очень широко. Во-первых, газетная статья информирует читателя «из первых рук» о состоянии дел в итальянской деревне. В текст включены объемные выдержки из статьи Муссолини (дана ссылка на лондонскую «Морнинг пост»). Из нее становится ясно, что дела при фашистах идут скверно. Люди массово покидают деревни, дуче хочет их в деревню вернуть. Здесь газетная статья используется как указание на проблему и одновременно аргумент, доказательство неустойчивости фашистского государства. Поскольку в деревню путешественник не поедет, то проверить статью непосредственным впечатлением не получится. Во-вторых, газеты (в этот раз издание не названо, сказано лишь, что оно парижское) рассказывают, как деградировал некогда популярный в России футурист Маринетти, а с ним и вся фашистская культура. Сначала цитируется описание безумного пиршества, устроенного футуристами в Милане, затем идет цитата из нового стихотворения Маринетти, посвященного расовой теории — сильным брюнетам и слабым блондинам. В этом случае функция газетной цитаты — иллюстрация; газета вновь заменяет живое впечатление. В-третьих, в поезде путешественник читает некую статью (источник не назван) о молодежи средних классов, живущей без всякого дела и готовых заняться чем угодно — например, пойти в фашисты. И тут же видит вооруженного фашиста: «Это был полицейский железнодорожной охраны, “представитель молодежи” средних классов, сделавший завидную карьеру. Ничего замечательного не было в его облике. Все его занятие заключалось в том, чтобы сопровождать железнодорожный контроль. /.../ Что дал ему фашизм, кроме права носить форму, оружие и право аккуратно получать жалованье?» [1]. Здесь газета служит комментарием к дорожному впечатлению — или напротив, продуцирует дорожное впечатление. Живой фашист как бы вылез из газеты. Впрочем, о фашистах, в обязательном порядке сопровождающих итальянские поезда, пишут практически все советские путешественники [2]. Можно предположить, что мы имеем дело не с комбинированием эпизодов, а с реальным совпадением: впечатление наложилось на газету. Однако количество подобных накладок в тексте Никулина говорит само за себя. Еще одна заметка из неназванной французской газеты просто заменяет дорожное впечатление. Итальянцы бегут не только из деревни, они рады убежать из Италии, говорит путешественник.

Для этого они отправляются на паломничество в Лурд — во Францию, в которой нет фашизма. А далее — газетная цитата: «/.../ итальянцы, которых вносили в вагон на носилках, немедленно после перехода границы вставали на ноги, пили вино и распевали песни» [3]. Цитата очень удобна для травелога: сама стилистика, а иногда и грамматические формы репортажа создают иллюзию происходящего перед нами.

Сложнее использование газеты в эпизоде с беженцами из Германии. Немецкая семья, не соответствующая гитлеровским представлениям о чистоте расы, читает в Италии берлинские газеты. Газета, в данном случае, осуществляет связь двух европейских стран (такова же побочная функция газетной статьи Муссолини об итальянской деревне — повествователь вспоминает газетное рассуждение Ф. Хильшера, тогда считавшегося нацистом, — и статьи о молодежи средних классов. Мысль повествователя вновь устремляется к Германии: «/.../ именно в это время другие молодые люди с револьверами, молодцы в коричневых рубашках, носились на мотоциклах по Германии. Это были тоже люди “средних классов” /.../. Безнаказанные убийцы начинали свою карьеру /.../ [4]»). Чтение газеты побуждает беженца Морица Розенблюма рассказать повествователю историю своей семьи. Газета у Никулина, помимо всего прочего, формулирует темы для рассуждений и диалогов. Диалогов, надо сказать, вполне соцреалистических, политически-ролевых. Мориц Розенблюм — олицетворение немецкой пассивности, его старший сын, осуждающий родителей за то, что они всегда голосовали за социал-демократов, — воплощение «правильной», героической позиции немца.

Роль газетных фрагментов в итальянской главе переоценить трудно. Они задают темы обсуждений, ставят вопросы и отвечают на них, комментируют путевые картины, моделируют или просто заменяют дорожные впечатления, а также связывают европейские страны в некое политическое и географическое единство. Возникает впечатление, что автор этого путешествия вообще не выходил ни из вагона, ни из пансиона, а ограничился чтением газет. Из собеседников в итальянской главе упоминаются: семейство Розенблюмов, хозяин пансиона дон Винченцо (его реплика служит переходом к статье Муссолини), Исаак Бабель и Максим Пешков, которому посвящено большое отступление-некролог. Двое из четверых — граждане СССР. Газета, таким образом, — единственное средство коммуникации с чужой страной. Далеко не самое удачное. Живое общение заменено печатным словом, которое воспринято через посредство информационных агентств.

Но еще интереснее, какие газеты читает Никулин и как работает, собирая материал. В отделе рукописей ИМЛИ РАН сохранились подготовительные материалы к книге «Семь морей». Это большой альбом, заполненный рукописными записями и газетными вырезками. Среди них — все «оригиналы» газетных вставок, которые вошли в окончательный текст. Примечательно, что в книге повествователь, цитируя газету, очень часто вводит читателя в заблуждение относительно источника информации. Львиная доля сюжетов заимствована не из итальянских, французских, английских газет, а из газет русских — эмигрантских (нередко перепечатывавших материалы, появившихся в крупных европейских изданиях). Никулин наклеивает газетные вырезки прямо в листы рукописей, а затем переписывает их, создавая книгу. Источники не вызывают сомнений, так как почти все статьи (за редчайшим исключением) написаны по-русски и используют старую орфографию.

Цитируемое стихотворение Маринетти о блондинах и брюнетах (вырезка «Одно из самых последних произведений знаменитого Маринетти» [5]), рассказ о банкете футуристов в Риме (вырезка «Банкет футуристов» [6]), статьи из якобы французских газет о молодежи средних классов (вырезка, озаглавленная «Средние классы» [7]), о поразительном исцелении итальянских паломников (вырезка без заглавия «Итальянское эмиграционное ведомство /.../» [8] и т. д.) и даже статья Муссолини по крестьянскому вопросу, данная Никулиным со ссылкой на «Морнинг пост» (статья «Назад к земле» [9] с изложением речи Муссолини) — все напрямую взято из эмигрантской периодики. Иногда слово в слово, иногда (стихотворение Маринетти) с сокращениями. Случается, Никулин вносит поверх наклеенной статьи стилистическую правку (в случае со статьей «Итальянское эмиграционное ведомство /.../»). Использование эмигрантской периодики скрыто от читателя. Иногда газетные статьи подаются как непосредственно увиденное, иногда путешественник ссылается на иноязычные газеты вообще («одна французская газета писала», «во французских газетах пишут»), либо на авторитетное западное издание («Морнинг пост»).

Отвечая на вопрос, почему Никулин (хорошо читающий по-французски) предпочитает французским русские эмигрантские газеты, можно найти ряд технических причин. Во-первых, читать по-русски Никулина все-таки удобнее. Во-вторых, эмигрантская периодика представляет уже некий дайджест, в то время как для «добросовестного» сбора информации нужно просматривать много изданий на разных языках. Но важнее другое: эмигрантская печать смотрит на

вещи русским взглядом. Правя статьи эмигрантов, Никулин либо сокращает размер отрывка, либо слегка меняет стиль. Правка не касается сути публикаций. В отношении (выраженном прежде всего внутренней иронией) к тем или иным европейским «вопросам» советский писатель солидарен с журналистами-эмигрантами. Таким образом, в отличие от западной печати, печать русской эмиграции предоставляет Никулину не просто информацию, а готовые тексты.

Это соображение подкрепляют описания информаторов и собеседников путешественника. Историю Базиля Захарова, оружейного короля, рассказывает некий русский — бывший банкир, ныне преподаватель игры в бридж. На корабле, идущем из Турции в Италию, Никулин встречает «гречанку» — единственную представительницу Греции во всей книге. Мадам Лидá оказывается молодой русской женщиной, по алчности и неосознанности покинувшей Советский Союз. Несмотря на это, мадам Лидá олицетворяет Грецию, ее фигура — соцреалистически-ролевая, как фигуры семейства Розенблюмов. Она взбалмошна, любит азартные игры, легко делает долги и отдается пароходному агенту, чтобы расплатиться с ними. Показательно, что никто из пассажиров корабля не хочет играть на греческие драхмы — драхма падает. Если среди парижских историй появляется рассказ о безумном художнике, изображавшем только трупы, то этот художник — русский. И так далее.

Во французской главе «Семи морей» эмигрантский источник выходит наружу — но только в той части, что касается парижской эмиграции. Обличение эмиграции, указание на бессмысленность ее существования — обязательный элемент советского травелога. Никулин цитирует две статьи, ссылаясь на эмигрантские газеты: критическую статью Г.В. Адамовича и публицистические рассуждения Е.Н. Кусковой. И комментирует: все это дико, ибо написано в 1930 году, «/.../ в решающую колхозную весну /.../» [10]. Советский писатель либо заглянул в старые газеты, либо использовал вырезки времен прежних своих поездок в Париж. Этих вырезок в альбоме материалов нет. Однако эмигрантская периодика использована во французской главе значительно шире. Вставная новелла «О сверхъестественном» раскрывает судебное дело о перевоплощении балерины Павловой в мадмуазель Елену Бемберже. Парижский суд серьезно разбирает претензию. Наследник Марии Башкирцевой собирается продать могилу предка за круглую сумму. Эти сюжеты позволяют советскому писателю указать на внутреннюю «мертвечину» эмиграции: он встретился «/.../ с некими бесплотными тенями, с призраками, действующими вне трех измерений, в нереаль-

ности и нежизненном плане» [11]. Однако эти два сюжета позаимствованы из одной и той же эмигрантской статьи: показательно, что пафос негодующего эмигрантского автора совпадает с обличительным пафосом Никулина [12]. Ссылок на газеты в книге нет. Газетная статья претендует на роль непосредственного впечатления от текущих парижских дел. В разговоре о безработице приводится заметка из газеты «Энтрансжан» под заголовком «Забавный случай». Эта заметка вклеена в альбом: она по-русски, из эмигрантской газеты. Рядом приписка рукой Никулина – «общественная жизнь» [13]. Вероятно, первоначально автор хотел использовать ее в другом тематическом разделе.

Особую функцию во французском сюжете имеет другой (близкий газете) печатный источник – предвыборная брошюра Шарля Коти, парфюмерного магната и политика. Советский путешественник смотрит на его самоуверенное лицо на фотографическом портрете. «И в этот час [зафиксирован момент чтения брошюры. – Е.П.] мне не может прийти в голову мысль о том, что пройдет два года, и я увижу другой снимок. Это же лицо среди миртов и погребальных свечей, в серебряной раме гроба /.../» [14]. Мысль о том, что случится через два года «не может прийти», но приходит. Газета, соединявшая людей в пространстве, теперь прочерчивает связи во времени – между настоящим и будущим. Газета останавливает мгновение и позволяет посмотреть на сегодня завтрашними глазами. Этот ход необычен для советской литературы, но вполне соответствует принципам поэтики соцреализма, соединяющей настоящее и будущее в едином текстовом пространстве. В то же время этот ход проливает новый свет на исключительное использование газеты: зафиксировать мгновение жизни буржуазной страны – значит указать на мертвенность ее жизни, метафорически доказать отмирание капитализма. Муссолини пишет о необходимости радиофицировать и электрифицировать деревню – на фоне советских достижений коллективизации (для писателя-соцреалиста они непрерываемы). Адамович и Кускова рассуждают о чем-то из прошлого века – на фоне той же решающей колхозной весны. Тема живых мертвецов, особенно характерная для французской главы, олицетворяется газетой. Особенно газетой эмигрантской, так как эмиграция в советском сознании – самые мертвые из мертвых. Они выпали даже из современной им буржуазной жизни.

Противопоставление «наших» газет «нашим» реализуется в главе, посвященной Германии. Путешественник цитирует речь Отто Вельса, одного из лидеров немецкой социал-

демократии, на открытии рейхстага 24 марта 1933 года. Далее следует, со ссылкой на газету «Политикен», описание самой церемонии открытия (социал-демократические депутаты стоят навзятжку перед Гитлером), дополненное текстом телеграммы агентства «Гавас». В противовес поведению Вельса буквально следом даны: стенограмма речи Джакомо Маттеотти в итальянском парламенте и стенограммы выступлений Георгия Димитрова, его полемика с председателем суда на процессе поджигателей рейхстага. Заключает подборку вывод: «Перед глазами рабочего класса всего мира стоят две фигуры (простите мне это сопоставление): Димитров и, скажем, господин Вельс, лидер социал-демократов» [15]. Источники стенографических отчетов – те же эмигрантские газеты. Речь Вельса взята из статьи «На открытии рейхстага 24 марта 1933 года» [16], описание церемонии – из статьи «Как Гитлер аплодировал соц. демократам» (ссылка на берлинского корреспондента «Политикен» дана в начале статьи) [17], речь Маттеотти также заимствована из эмигрантской периодики – с сокращениями и перестановками [18]. Нет лишь стенограмм речей Димитрова. Вероятно, Никулин следил за процессом Димитрова по советским газетам. «Наши газеты» не останавливают время, а продолжают его в вечность. Маттеотти был убит в 1924 году, но речь его продолжает жить и цитируется в советской книге 1936 года. Речи Димитрова на процессе поджигателей рейхстага тоже не ограничены конкретным годом – это вечное свидетельство борьбы и мужества.

Итак, развернутая газетная цитата в травелоге Никулина многофункциональна. Она принципиально важна и в композиционном плане, и в идейных построениях, и в конструировании идеологических метафор. Но главное в другом. Советский писатель, описывающий свою поездку на Запад, принципиально не вступает в коммуникацию с западным миром. Он не хочет ни разговаривать, ни видеть. Предметом описания становятся не жизненные ситуации, а газетные статьи. Европейская действительность, как выражались советские литературоведы, транслируется советскому читателю через многослойный фильтр.

Путешествие советского писателя на этом этапе перестает быть классическим «путешествием» и превращается в псевдотравелог. Используя все приемы травелога, текст отказывается от случайных впечатлений, предпочитая впечатление конструировать. Работа путешественника-репортера уже ничем не отличается от работы советских «спецкоров» – как она представлена в воспоминаниях Н.П. Полетики. В 1923–1928 годах он заменял «Ленинградской правде» иностранных корреспондентов: создавал репортажи

из-за рубежа, не покидая редакции. «Ленинградская правда» была одной из немногих советских газет, выписывавших иностранную периодику, причем выписывались не только левые и коммунистические газеты, но и крупные буржуазные издания. Полетика читал западную прессу, выбирал нужные события и рассказывал о них по материалам газет под разными вымышленными именами. Корреспонденции из стен редакции успешно дополняли реальные репортажи иностранных корреспондентов [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Никулин Л. Семь морей / Л. Никулин. — М. : Гослитиздат, 1936. — С. 178.
2. Ибрагим. Венеция // Красная новь. — 1931. — № 5-6. — С. 166; Корнев Н. По Европе (Путевые заметки). Фашистская Италия / Н. Корнев // Красная новь. — 1936. — № 2. — С. 169-170.
3. Никулин Л. Указ соч. — С. 178.
4. Там же. — С. 179.

5. ИМЛИ. Отдел рукописей. Ф.71. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 38.
6. Там же.
7. Там же. — Л. 62-63.
8. Там же. — Л. 60.
9. Там же. — Л. 40.
10. Никулин Л. Указ соч. — С. 260.
11. Там же. — С. 259.
12. ИМЛИ. Отдел рукописей. Ф.71. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 74.
13. Там же. — Л. 75.
14. Никулин Л. Указ соч. — С. 229.
15. Там же. — С. 377.
16. ИМЛИ. Отдел рукописей. Ф.71. Оп. 1. Ед. хр. 15. Там же. Л. 64 (последний абзац статьи отчеркнут, именно он и цитируется в книге).
17. Там же.
18. Там же. — Л. 61 об.
19. Полетика Н.П. Виденное и пережитое (Из воспоминаний) / Н.П. Полетика [Репринт с издания 1982 г.]. — [Jerusalem] : Библиотека-Алия, 1990. — С. 228-278.

Пономарев Е.Р.
 Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.
 Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы.
 e-mail: eponomarev@mail.ru

Ponomarev E.R.
 St. Petersburg State University of Culture and Arts.
 Associate professor in Russian literature.